

Стоило Цзи Мяню переступить порог мастерской, как в голове раздался голос Системы:

[Ты действительно намерен поступать в университет?]

Цзи Мянь недоуменно переспросил:

«А почему нет? Ты же сам сказал, что это часть задания».

[Просто... ни один из моих предыдущих носителей не заходил так далеко.]

Мало кто, получив шанс на вторую жизнь в новом мире, добровольно согласился бы снова пройти через ад подготовки к экзаменам.

Система взглянула на количество накопленных очков глубокой привязанности. Сейчас счетчик замер на отметке в две тысячи двести баллов, причем большая их часть была получена только что. Логика была проста: полгода назад, когда Дуань Чжо и Сунь Ци только узнали о чувствах юноши к Му Юймань, они не принимали их всерьез. Тогда очки стояли на месте.

Но стоило Цзи Мяню произнести свою пламенную речь, как всё изменилось. Долгие месяцы, в течение которых он неустанно дарил героине деревянные фигурки, его смущение при упоминании её имени — всё это стало прочным фундаментом. Сегодня плотина наконец прорвалась, и чувства получили должное признание.

Чтобы юноша смог окончательно переродиться, ему требовалось сто тысяч чистых очков. С учетом десятипроцентной комиссии Системы, Цзи Мяню нужно было заработать сто десять тысяч очков глубокой привязанности. Только тогда он сможет покинуть этот малый мир и начать новую, свободную жизнь.

Две тысячи баллов казались каплей в море, но для начала это был блестящий результат. Система хотел было похвалить его, но, вовремя вспомнив о характере носителя, решил не искушать его гордыней и промолчал.

Цзи Мянь тем временем всерьез занялся подготовкой. Не желая бросать работу в мастерской, он поначалу хотел попробовать самообучение. Для него чтение учебников почти не отличалось от резьбы по дереву — разве что первое чуть больше утомляло мозг. В конце концов, оба занятия требовали колоссального терпения, строгой дисциплины и капли таланта. А терпения юноше было не занимать.

Что же до таланта...

Спустя месяц повторения основ Система провела для него простой тест. Результаты показали, что его нынешние способности к обучению соответствуют как минимум университетскому уровню. Вот только запас знаний пока едва дотягивал до программы средней школы.

[Похоже, в прошлой жизни ты был весьма образован.]

«Правда?»

[Да.]

Хотя память Цзи Мяня была пуста, развитое логическое мышление никуда не исчезло. Было поразительно, что человек, лишившийся всех воспоминаний, сохранил столь острый и ясный ум.

«Значит, я не был каким-нибудь неисправимым преступником?»

[Ученость никак не связана с порядочностью.]

«...Понятно».

[Я советую тебе до сентября максимально восполнить пробелы в знаниях за девять классов, а затем вернуться в школу в одиннадцатый класс, где учился прежний владелец тела. Твоих способностей и усидчивости хватит, но абитуриенты в этот период соревнуются прежде всего в количестве потраченных на учебу часов. Если ты будешь работать в лавке днем и начинать учиться только вечером, времени на подготовку тебе просто не хватит.]

Цзи Мянь промолчал.

Изначально он планировал остаться у Дуань Чжо: помогать днем, а учиться по ночам. Но он плохо представлял себе жизнь современных старшеклассников. Усилия, которые требовались от них в эти три года, оказались гораздо серьезнее, чем он воображал.

Однако принять совет Системы означало вернуться за школьную парту. Сразу вставали вопросы об оплате обучения и жилье. К тому же он не мог больше с прежней беспечностью оставаться здесь нахлебником.

«Придется всё-таки идти к отцу первоначального владельца тела...»

Цзи Мянь сокрушенно вздохнул.

После долгих внутренних терзаний он спустился на первый этаж, снял трубку стационарного

телефона и набрал номер, сохранившийся в памяти. Спустя полминуты на том конце ответили.

Сердце юноши сжалось, и он произнес чуждое ему обращение:

— Папа.

Прошло две секунды, и в трубке раздались короткие гудки. Его сбросили.

«...»

Цзи Мянью не пал духом; напротив, легкое волнение бесследно испарилось. Совершенно спокойно он набрал номер снова. Десять секунд томительных гудков — и на том конце наконец сняли трубку.

Грубый, хриплый мужской голос раздраженно пролаял:

— Что тебе еще? Опять вляпался в неприятности?

Родной сын не подавал вестей почти два года, но первой реакцией отца стал не испуг или радость, а неприкрытое отвращение. Теперь юноша окончательно понял, с кем имеет дело, но всё же озвучил свою цель:

— Я хочу вернуться в школу и продолжить учебу.

Короткие гудки.

Его снова безжалостно сбросили. И сколько бы Цзи Мянью потом ни перезванивал, трубку больше не брали.

— Эх, — поник он. — Не вышло.

— Эй.

Холодный голос за спиной заставил Цзи Мянью вздрогнуть. По позвоночнику пробежал мороз, а волосы на затылке невольно встали дыбом. Он и сам не понимал причины такой рефлекторной реакции — ведь голос принадлежал его Старшему брату, который всегда относился к нему хорошо.

Юноша медленно обернулся. Перед ним стоял Дуань Чжоу; в пальцах он держал неприкуренную сигарету, а его взгляд был тяжелым.

— Брат, — едва слышно позвал Цзи Мянью.

Дуань Чжо перевел взгляд на телефон.

— Отец?

— ...Угу.

— И ты правда собрался вернуться к учебе? — в голосе мужчины прозвучало нечто двусмысленное.

Поверить в то, что бывший карманник, бросивший школу два года назад, вдруг решил встать на путь истинный ради какой-то призрачной «любви»... Кто в здравом уме в это поверит?

Дуань Чжо не верил. Слова Цзи Мянью в тот день его поразили, но, поразмыслив на досуге, он пришел к выводу: в жизни всё не так просто. Мир — это не сказочная утопия, и в нем редко случаются чудеса.

Цзи Мянью не стал вникать в подтекст этих слов и ответил честно:

— Да.

«...»

Дуань Чжо встретился с ним взглядом. Пара светло-каштановых глаз смотрела на него тихо и безмятежно. Мужчина нахмурился и раздраженно отвел взгляд.

— Где собрался учиться?

— В Хуайянской средней школе. А что, брат?

— Хуайянская... Недалеко. Минут пятнадцать на машине.

— ?

Цзи Мянью не понимал, к чему этот разговор.

— Не звони ему больше, бесполезно, — Старший брат забрал у него трубку и резко опустил её на рычаг. — Он не хотел знать тебя тогда, не захочет и через десять лет.

Юноша поджал губы и промолчал.

— Я оплачу учебу. Возвращайся в школу.

Цзи Мяннь ошарашенно вскинул голову и лишь спустя мгновение пришел в себя, отрицательно качнув головой:

— Нет, брат, я не могу.

Он и так два года жил у Дуань Чжо на всем готовом. Даже если придется провалить задание, он не позволит мужчине тянуть его еще и в школе.

[Задание проваливать нельзя!] — тихо возмутился Система.

Дуань Чжо, не обращая внимания на протест, продолжил:

— С сентября позапрошлого года по июнь нынешнего прошло двадцать два месяца. Ты работал учеником в мастерской без выходных. Если считать по четыре тысячи в месяц, плюс жилье и питание — выходит восемьдесят восемь тысяч юаней.

Юноша онемел.

— О-откуда такие деньги?!

— За два года ты взял всего пять тысяч на одежду и мелочи, — невозмутимо чеканил Дуань Чжо. — Значит, я задолжал тебе еще восемьдесят три тысячи. Если хочешь, можем посчитать и проценты.

«...»

В голове у Цзи Мяння всё поплыло. Спустя минуту он выдавил:

— Ого... выходит, я потратил ваших денег целых пять тысяч? Так много...

Дуань Чжо: «...»

У этого мальчишки что, мозги набекрень?

— М-м-м!

Цзи Мянью вскрикнул, когда мужчина вдруг бесцеремонно схватил его за лицо. Он смотрел на Дуанью Чжоу, оказавшегося совсем рядом, и в глазах его читалось полное замешательство:

— Брат?

— Цзи Мянью, — пальцы Дуанью Чжоу ощутимо сжали мягкую кожу на щеке, а взгляд впился в него. — Ты это нарочно, да?

Тот нажал чуть сильнее, и вскоре на щеке проступили два красных пятна. Заметив их, Старший брат тут же ослабил хватку, но теперь жест неумовимо изменил свой характер.

Его правая ладонь легла на лицо юноши, почти полностью скрыв его от ресниц до подбородка. Это выглядело так, будто Дуанью Чжоу намеренно ласкал его, или Цзи Мянью сам доверчиво прильнул к его руке. Мужчина не был смуглым, скорее он был бледен, но на фоне алебастровой кожи юноши разница в цвете стала очевидной.

Он заворожено смотрел на этот контраст, и вновь его захлестнуло то странное, необъяснимое смятение. А Цзи Мянью всё так же смотрел на него своим чистым взглядом, совершенно не понимая:

— Брат? Что нарочно?

«...»

Дуанью Чжоу никогда не признавался, что ему не нравится это обращение. При первой их встрече Цзи Мянью лежал на земле — грязный, избитый, — и слезно умолял приютить его. Тогда это вызвало лишь раздражение; старшему казалось, что этот наглец просто подлизывается, называя его «братом».

Теперь он привык, но по-прежнему недолюбливал это слово. Потому что из уст юноши оно звучало... как-то слишком приторно.

— Брат? — не дождавсь ответа, снова позвал Цзи Мянью.

Чистый, нежный голос, в конце фразы едва заметно взлетающий вверх. Словно крючок на конце тонкой лески, он мягко зацепил сердце слушателя. Дуанью Чжоу сглотнул. Словно повинувшись этой невидимой тяге, он медленно наклонился вперед, так что их лбы почти соприкоснулись.

Юноша слегка качнул головой, желая напомнить, что они стоят слишком близко. Ему не было неприятно, но дыхание мужчины, щекотавшее лицо, вызывало странный зуд.

На полпути Дуань Чжо замер. Он «заглотил наживку», но теперь потерял ориентацию, не понимая, что должен делать дальше. Несколько секунд он заворуженно смотрел в зрачки Цзи Мяня, а затем, прежде чем тот успел что-то сказать, резко отстранился и выпрямился.

— Где будешь жить после поступления?

«Почему он решил, что всё уже решено?»

Цзи Мянь хотел было возразить, но лицо Дуань Чжо вдруг стало таким холодным и суровым, что вся решимость испарилась. Стоило ему открыть рот для отказа, как Старший брат наверняка бы...

Что бы он сделал? Юноша не знал, но проверять не решился. Спустя минуту он с трудом выдавил:

— В общежитии... Буду возвращаться только на каникулах.

Так он надеялся лишний раз не мозолить мужчине глаза.

Дуань Чжо представил, как Цзи Мянь будет возвращаться раз в месяц, а то и в два. Подумав, он отрезал:

— Будешь приезжать на выходные. Я сам буду тебя забирать.

— А?

Вслед за недоумением пришло мгновенное «озарение»:

— О-о-о!

Ну конечно! Ему же нужно возвращаться, чтобы работать в мастерской. Если он будет всё время в школе, кто будет помогать в лавке? Видимо, поэтому брат и велит ему возвращаться!

Глядя на его «сметливое» лицо, Дуань Чжо понял: этот олух снова всё истолковал по-своему.

«...»

Дурак.

Мужчина молча смотрел на него. В душе поднялась какая-то необъяснимая буря, причину

которой он не мог — да и не хотел — искать.

Он наконец прикурил сигарету. На самом деле он не очень любил курить, но когда дым проникал в легкие, он словно парализовал натянутые нервы и заглушал всё то раздражение, что копилось внутри. После смерти Дуань Цзиньянь это был единственный способ обмануть собственный мозг.

В этот момент Дуань Чжо услышал тихий вдох.

Повернув голову, он увидел, что Цзи Мянь опустил голову и замер. Прошло немало времени, а выдоха так и не последовало. Мальчишка просто тайком задержал дыхание.

У Дуань Чжо дернулось веко.

«Вот же паршивец».

Он стиснул зубы и в сердцах затушил только что прикуренную сигарету. Когда дым рассеялся, он наконец услышал тихий, поспешный выдох — бедняга явно продержался на пределе своих сил.

«...»

Сделав вид, что ничего не заметил, Дуань Чжо положил ладонь на голову Цзи Мяня и с силой взъерошил его волосы.

Если так пойдет и дальше, этот мальчишка его до инфаркта доведет.

<http://bllate.org/book/15358/1417548>